

На правах рукописи

Толстик Светлана Александровна

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ 'ХУДОЙ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА**

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск 2004

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета

Научный руководитель - кандидат филологических наук,
доцент
Дронова Любовь Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Шелепова Людмила Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент
Старикова Галина Николаевна

Ведущая организация – Уральский государственный университет.

Защита диссертации состоится “___” _____ 2004 г. на заседании диссертационного совета Д. 212. 267. 05 при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан “___” _____ 2004 г.

Ученый секретарь совета,
кандидат филологических наук, профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние десятилетия в науке о языке произошел переход к антропологической лингвистике, имеющей своей целью исследование языка в его отношении к человеку, его мышлению, сознанию, культуре. Человек отразил в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, интеллект, отношение к себе и окружающему миру (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Т.И. Вендина, Е.С. Яковлева и мн. др.). Важнейшей задачей современного языкознания является осмысление языковых фактов через призму лингвокультурологических методов анализа, через концептуальный анализ ключевых представлений, формирующих языковую картину мира (ЯКМ). С развитием цивилизации, человеческого мышления изменяются представления людей о мире, поэтому языковые модели человека также изменчивы, они отражают специфику мировоззрения носителей языка на разных этапах развития национальной культуры и ее субкультур.

Одна из важнейших особенностей современного языкознания – стремление к описанию лексики как явления системного порядка. Выявление системных отношений важно как для синхронного, так и для диахронного исследования словарного состава языка. На возможность существования различных типов лексических объединений на основе понятийной общности ученые обратили внимание еще в XIX в. М.М. Покровский, Н.В. Крушевский отмечали общие закономерности развития значений у слов, связанных друг с другом по смыслу. В исторической лексикологии на современном этапе наиболее частым предметом анализа являются семантические поля, тематические группы, ЛСГ, синонимические ряды, синонимические гнезда слов (Ф.П. Филин, В.Г. Гак, Н.В. Пятаева, Г.Н. Лукина, К.П. Смолина, М.В. Пименова, Н.Г. Михайловская, Г.А. Богатова, Л.Ю. Астахина, Н.Н. Куканова, Л.М. Васильев и др.). Системные отношения лексических единиц исследуются как на материале разных языков, так и на материале одного языка, на материале разновидностей одного и того же языка, например, его диалектов (Р.И. Аванесов, Г.Г. Мельниченко, И.А. Оссоветский, Л.И. Баранникова и др.).

Использование в лингвистике структурных методов анализа привело к тому, что слова через определение различной степени семантической близости стали рассматриваться как поле. Возникновение этого понятия связано с возрождением в 20-30 гг. XX в. учения В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Под *семантическим полем* обычно понимается совокупность лексических единиц, объединенных общностью значения и передающих понятийное, предметное или функциональное сходство отражаемых явлений действительности. В отечественной лингвистике теория семантического поля представлена в исследованиях А.А. Уфимцевой, Л.М. Васильева, Г.С. Шура, Ю.Н. Караулова, А.М. Кузнецова, В.Г. Гака, Р.М. Гайсиной, И.М. Кобозевой, В.С. Юрченко и др. Для историко-этимологического изучения лексики системный полевой подход имеет большую ценность, поскольку через соотношение ядра и периферии он дает возможность показать динамическую модель развития системных семантических связей отдельных временных пластов и их изменение на протяжении времени.

В современном языкознании наиболее перспективным представляется изучение лексики в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, то есть в рамках антропологической парадигмы. Наблюдающийся в последнее время переход к антропологической лингвистике, выражается, в первую очередь, в возросшем интересе к исследованию наивной или языковой картины мира, под которой понимается целостный образ окружающей действительности и человека в языке, относительно постоянный и медленно эволюционирующий во времени (Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебrenников, В.И. Постовалова, Е.С. Кубрякова, Ж.П. Соколовская, Л.Г. Невская, Т.В. Цивьян, В.Н. Телия, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова и др.). Данное направление не отрицает достижений известных ранее лингвистических подходов (системно-структурного, сравнительно-исторического), а продолжает их традиции. На современном этапе развития языкознания этимология отходит от задач определения только исходной формы и значения слов, обращаясь к исследованию ЯКМ и ее отдельных фрагментов.

К соотношению языка и культуры, языка и мышления обращаются в различных направлениях языкознания: сравнительно-историческое языкознание (Э. Бенвенист, Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, Ж.Ж. Варбот, И.Г. Добродомов и др.), исторической лексикологии (В.В. Виноградов, В.В. Колесов, Ю.С. Сорокин и др.), идеографии (Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин), логического анализа языка (Н.Д. Арутюнова и др.) и нек. др. Проблема отражения человека и действительности в языке возникла достаточно давно: об антропоцентризме в языке говорили еще В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Бенвенист, Э. Сепир, Б.Л. Уорф и др. Э. Бенвенист, сферой научных интересов которого были проблемы индоевропеистики, обозначил данное свойство антропоцентричности, имеющее отражение в организации языка, как “человек в языке”.

Термин “*концепт*” в современной лингвистике употребляется достаточно активно в двух направлениях: в когнитивной традиции (Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, А. Вежибицкая, В.М. Топорова, Р.М. Фрумкина, З.Д. Попова и И.А. Стернин и др.) и культурологической (Д.С. Лихачев, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов и др.). Если в первом направлении делается акцент на познавательной сущности концепта, то во втором – на его культурной значимости.

Под концептом в данном диссертационном исследовании понимается ментальный конструкт, отражающийся в представлениях и знаниях, ассоциациях, связанный с этнической культурой, хранимый в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, определяющий национальное своеобразие ЯКМ.

Актуальность предпринятой работы обусловлена прежде всего тем, что ее проблематика находится в русле интересов современного языкознания к исследованию лексики в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Концептуальный анализ при диахроническом подходе дает возможность проследить этапы меняющегося представления об определенном явлении действительности, отраженном в сознании носителей языка и культуры, выраженном в определенных языковых стереотипах. В ходе таких частных исследований также накапливаются знания в области происхождения и истории как каких-либо групп лексики, так и отдельных слов, ранее не

этимологизированных, разрабатываются элементы методики семантической реконструкции. Заявленный комплексный подход находится в русле ориентированного на человека языкознания и представляется актуальным для современной лингвистики с позиций исторической семасиологии и лингвокультурологии.

Новизна работы обусловлена тем, что впервые анализируется в полном объеме семантическое поле 'худой' в синхронно-диахронном аспекте с точки зрения межсистемной синонимии, а также тем, что в работе представлен комплексный (лингвистический и лингвокультурологический) характер изучения этого фрагмента русской ЯКМ.

Объектом исследования является адекватная лексика со значением 'худой, имеющий тонкое, сухощавое тело' (по отношению к человеку) в русском литературном языке и говорах, поскольку слова данной части речи наиболее ярко позволяют выразить отношение к явлению действительности, совмещая в своей семантической структуре семантический и прагматический аспекты языка. Всего в работе проанализировано 16 слов литературного языка и более 170 диалектных лексем, в том числе и целый ряд диалектных слов, не подвергавшихся ранее этимологизации. В объект данной диссертации не включена просторечная лексика.

Предмет исследования – семантическая деривация в поле 'худой' как репрезентация культурно значимого концепта.

Цель диссертационной работы: определив внутреннюю форму и типы мотивации русских прилагательных со значением 'худой' в этимологическом аспекте, направление семантических изменений, охарактеризовать признаковое лингвокультурологическое поле худобы и выявить динамически меняющийся набор признаков, структурирующих концепт 'худой' в сознании носителей языка, и в результате проследить эволюцию этого концепта.

Достижение поставленной цели предполагает решение конкретных **задач**:

1. Определить состав данной группы слов в русском литературном языке и говорах с помощью методики сплошной выборки из словарей современного русского литературного языка и диалектов.

2. Проследить историю и семантическое развитие каждого из слов.

3. Выявить первичные мотивационные признаки для значения 'худой' каждой исследуемой леммы и определить способы номинации анализируемых языковых единиц.

4. Установить взаимоотношение лексем, репрезентирующих концепт 'худой', и их отдельных значений.

5. Охарактеризовать исследуемые прилагательные с точки зрения исконности – неисконности происхождения с целью выяснить, в какой степени рассматриваемый концепт является результатом межязыкового и межкультурного взаимодействия.

6. Сопоставить полученные данные литературного языка и говоров в плане специфики языкового кодирования одного и того же фрагмента ЯКМ в разных субкультурах.

7. Выяснить, каким образом менялось представление, какие признаки актуализировались в сознании носителей языка в разные отрезки времени, описать корреляцию языковой динамики с историко-культурной и когнитивной.

Поскольку специфика исследования эволюции концепта, изменения национального мировидения, находится в русле нескольких направлений, актуальных для современного языкознания, в настоящей работе используются **методы и приемы** системно-структурного, историко-этимологического и культурологического подходов.

1. *Метод научного описания*, заключающийся в планомерной инвентаризации единиц языка и объясняющий особенности их структурирования и функционирования.

2. *Сравнительно-исторический метод*, представляющий собой совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения языкового явления и его дальнейшей истории.

3. *Лингвогеографический метод*, состоящий в картографировании языковых элементов, различающих диалекты, и в интерпретации ареальных явлений.

4. *Метод концептуального анализа* - процедура, которая позволяет через исследование языковых представителей изучаемого концепта установить связь явления, стоящего за ним, со знаниями об окружающей действительности и выявить содержание концепта как историко-культурного явления.

Источниками исследования послужили данные 225 словарей и 5 картотек:

толковые словари современного русского литературного языка и других славянских языков, диалектные словари русского языка и других славянских языков, толковые и иностранные словари русского языка XVIII–XIX вв., тематические словари (словари синонимов и иностранных слов), исторические словари, двуязычные словари славянских и других индоевропейских языков, этимологические словари русского языка и других славянских и индоевропейских языков, картотеки "Словаря русского языка XI–XVII вв.", "Словаря древнерусского языка" Института русского языка РАН, "Словаря русских народных говоров" Института лингвистических исследований РАН, "Псковского областного словаря", "Обиходного словаря Московской Руси XVI–XVII вв." (словарный кабинет Б.А. Ларина, СПбГУ).

Положения, выносимые на защиту.

1. Концепт 'худой', репрезентированный преимущественно русской адекватной лексикой, представляя собой оценочную характеристику телосложения человека, отражает важный фрагмент мировидения древнерусского и русского человека.

2. Истоки формирования концепта 'худой' относятся еще к индоевропейскому периоду.

3. Индоевропейские этимологические признаки, лежащие в основе обозначений худобы ('высокий, длинный, вытянутый' и 'слабый'), сохраняют свою актуальность на протяжении всей истории развития языка и культуры. С одной стороны, структура концепта динамична, с другой – сохраняет свою ядерную зону, конкретизируя ее и дифференцируя.

4. Начиная с древнерусского периода, под влиянием христианско-византийской культуры происходит новое осмысление представленного концепта в связи с изменившимся взглядом на соотношение души и тела человека. Разрушение средневекового мировоззрения, секуляризация общества, формирование национальной культуры и национального языка в XVII–XVIII вв., утрата русско-церковнославянской языковой диглоссии приводят к переосмыслению, согласно которому явление худобы начинает оцениваться по-разному в зависимости от степени проявления.

5. Изменения концепта ‘худой’ происходят как результат взаимодействия, взаимовлияния различных культур и субкультур (субстратное влияние иранской, позднее - церковнославянской, польской культур, а также взаимодействие русского литературного языка и говоров).

Апробация работы.

Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на I международной научно-практической конференции “Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве” (г. Томск, 2001), IV Международной научной конференции “Русская диалектная этимология” (г. Екатеринбург, 2002), региональных и всероссийских филологических конференциях молодых ученых (г. Томск, ТГУ, 2000, 2001, 2002, 2004 гг.), межвузовских научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных “Коммуникативные аспекты языка и культуры” (г. Томск, ТПУ, 2001, 2002), V Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Наука и образование” (г. Томск, ТГПУ, 2001 г.), а также отражены в 13 публикациях.

Теоретическая значимость. Результаты исследования могут способствовать разработке теоретических проблем лексикологии и лингвокультурологии как в диахроническом, так и в синхронном аспектах.

Практическая значимость. Использование материалов данной диссертации возможно в практике вузовского преподавания истории русского языка, лексикологии, при чтении спецкурсов, на занятиях спецсеминаров по этимологии и когнитивной лингвистике, в лексикографической практике.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Содержание работы

Во **введении** изложены цели и задачи работы, обоснованы ее актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определены объект, предмет, методы исследования, освещены основные проблемы и направления современного языкознания, сделан обзор литературы по теме исследования.

Концепты, как основные единицы ментальности, имеют языковые средства выражения для разных типов сознания, по-своему реализуясь в определенных субкультурах и, следовательно, в соответствующих им разновидностях конкретного языка (литературном языке и диалектах). Поэтому представляется целесообразным разбить работу на главы, посвященные анализу концепта ‘худой’ в этих двух разновидностях русского языка.

В **первой главе** “*Лексика, репрезентирующая концепт ‘худой’ в русском литературном языке в синхронии и диахронии*” рассматривается концепт ‘худой’, представленный прилагательными со значением небольшого объема тела в русском литературном языке, выявляется специфика его отражения в русской ЯКМ в синхронно-диахронном аспекте.

В разделе *1.1.* рассматриваются особенности репрезентации семантического поля ‘худой’ в русском литературном языке и освещаются основные проблемы явления синонимии. Синонимия представляет собой тип семантических отношений, заключающийся в полном или частичном совпадении значений языковых (в данном случае лексических) единиц. С точки зрения соотношения концептуальной и языковой картин мира, под синонимами можно понимать слова, соответствующие одному и тому же понятию (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, Л.П. Алекторова и др.).

В разделе *1.2.* рассматриваются прилагательные со значением ‘худой’ в парадигматической группировке современного русского литературного языка. В словарях синонимов XX в. отражается неоднозначность членения адъективной лексики со значением худобы: одни исследователи выделяют единый синонимический ряд (Н. Абрамов, В.Д. Павлов-Шишкин и П.А. Стефановский, В.Н. Клюева, З.Е. Александрова, Л.П. Алекторова), другие всю совокупность лексем (с некоторыми расхождениями) разделяют на два ряда, обозначающих разную степень худобы (А.П. Евгеньева, Ю.Д. Апресян).

В словарях синонимов последних лет синонимический ряд с доминантой **худой** - **тощий**, **костлявый**, **жилистый**, **испитой**, **исхудалый**, **тонкий**, **щуплый**, **тщедушный** – определяется как не соответствующий современной культурной норме, поскольку он характеризует небольшой объем тела человека как следствие болезней, голодания, неблагоприятных условий и т.п. Второй ряд с доминантой **худощавый** - **поджарый**, **поджаристый**, **сухой**, **сухощавый**, **сухопарый** – указывает на то, что умеренная худоба удовлетворяет современным требованиям к телосложению человека. Представленная группировка имеет ряд спорных моментов, поскольку, во-первых, прилагательные **жилистый** и **тонкий**, включаемые Ю.Д. Апресяном в первый ряд синонимов, в современном литературном языке оценивают худобу тела положительно (или нейтрально), во-вторых, в данной классификации не учитывается заимствованное прилагательное **субтильный**, не имеющее негативной коннотации. Поэтому лексемы **жилистый**, **тонкий** и **субтильный** в данной работе рассматриваются в синонимическом ряду с доминантой **худощавый**.

С целью выяснить истоки и этапы формирования синонимических рядов, обозначающих отсутствие / небольшое количество подкожного жирового слоя, в разделе *1.3.* освещаются история и происхождение каждого из прилагательных литературного языка с момента их письменной фиксации с указанием времени возникновения

значения худобы. В параграфах 1.3.1. и 1.3.2. историко-этимологическому анализу подвергаются прилагательные первого (**худой, тощий, костливый, костлявый, тщедушный, испитой, шуплый**) и второго (**худощавый, сухощавый, сухой, сухопарый, поджарый, поджаристый, жилистый, тонкий, субтильный**) синонимических рядов соответственно.

В разделе 1.4. подводятся итоги относительно времени формирования концепта худобы, представленного литературной разновидностью русского языка. Из исследуемых прилагательных, сохранившихся в литературном языке, судя по проанализированным в картотеке “Словаря русского языка XI–XVII вв.” контекстам, однозначно имели значение худобы с древнерусского периода прилагательные **сухой** (XI в.), **тонкий** (XII в.).

В старорусский период (XIV–XVII вв.) сохраняются древнерусские прилагательные **сухой** и **тонкий**, отмечается лексема **шуплый** со значением худобы и невзрачности, которая отрицательно оценивала худого человека; производные от **сухой** слова **худощавый** (кон. XVI в.), **сухопарый** (кон. XVI в.), которые, оценивая умеренную худобу человека без отрицательной коннотации, отражают изменение представления о норме телосложения.

Только к XVII–XVIII вв. в значении ‘худой’ в текстах с пейоративной оценкой фиксируется прилагательное **тощий**, отмечавшееся еще в древнерусском языке со значениями ‘пустой’, ‘плохой’ и др. Слово **худой** только в текстах этого времени начинает определять данный тип телосложения человека, встречаясь в древнерусском языке со значениями общей и частной отрицательной оценки и в параметрическом значении ‘малый’. Начиная с XVII в., в связи с развитием социальных отношений и человеческого мышления расчленение синкретизма оценочного значения происходит на уровне понятия, поскольку именно с этого времени осознается ценностное различие различных сфер жизни людей (М.В. Пименова и др.).

В XVIII в. начинают отмечаться пейоративные прилагательные со значением худобы **испитой, тщедушный**, а также слова **субтильный** (латинизм, пришедший через посредство западноевропейских языков), **поджарый, поджаристый** (XVII–XVIII вв.), **худощавый**, не имевшие в своей семантической структуре отрицательно оценивающих значений. Период XVIII в. характеризуется активным пополнением лексики русского языка новыми словами и значениями, и особая роль в этом процессе принадлежит именам прилагательным, так как данная часть речи совмещает в себе дескриптивные и оценочные аспекты языкового знака. Этот разряд слов пополняется в данный период как за счет внутренних ресурсов языка, например, из народно-разговорных источников, так и за счет западноевропейских заимствований. Важно отметить тенденцию к образованию переносных оценочных значений, то есть к формированию на базе оценочности новых семантических единиц (З.М. Петрова, Н.Н. Куканова и др.).

В XIX в. в группе прилагательных со значением ‘худой’ в русском литературном языке не происходит каких-либо значительных изменений. К середине XX в. в русском языке устанавливаются два синонимических ряда прилагательных со значением худобы.

Проведенный историко-этимологический анализ, позволивший глубже выяснить истоки формирования данного концепта, показал, что индоевропейский характер происхождения с семантикой вытянутости, большой длины и худобы имеет прилагательное **тонкий**, синкретично характеризующее параметрический признак и признак слабости (и.-е. ***ten-** ‘тянуть, вытягивать, растягивать’, ср. санскр. **tanu** ‘слабый’, ‘тонкий, худой; худощавый’, ‘маленький, малый’, **taniman** ‘слабость’, ‘худоба; худощавость’, перс. **tanuk** ‘тонкий, нежный’, ‘редкий’, ‘мелкий’ и др., лат. **tenuis** ‘тонкий’, ‘узкий’, ‘худой, худощавый’ и др., греч. **tavo-** ‘длинный’, лит. **tėvas** ‘тонкий’, с тем же значением др.-в.-н. **dunni**, совр. нем. **dünn** ‘тонкий, худой, стройный’, англ. **thin** ‘то же’). Данная модель образования значения ‘худой’ (< ‘тонкий, вытянутый’) является наиболее древней, ср., например, также хет. **maklant-** ‘худой, тощий’, что соответствует греч. **μακρός** ‘длинный’.

Общеславянскими по происхождению со значением худобы являются следующие слова: **худой, сухой**, прилагательные, образованные от **кость (костливый, костлявый), шуплый**. Таким образом, основная масса русских прилагательных со значением худобы, употребляемых в современном литературном и общенациональном языке, возникла в общеславянский период.

Язык и культура любого народа складываются на пересечении разных культур и субкультур, представляя собой результат их взаимовлияния и взаимообогащения. С целью определить степень иноязычного и, следовательно, инокультурного влияния на формирование концепта худобы в русском языке в разделе 1.5. лексемы со значением отсутствия / небольшого количества подкожного жирового слоя были проанализированы с точки зрения исконности-неисконности их возникновения.

Большая часть анализируемых прилагательных со значением худобы является исконными по происхождению. Основное современное обозначение признака худобы – прилагательное **худой**, возможно, представляет собой древнее субстратное усвоение из иранских языков (скифо-сарматских), ср. скифское ***fud-** > осетин. **fyd / fud** ‘плохой, дурной’ (В.В. Иванов). Прилагательное **испитой** представляет собой церковнославянизм, заимствованный характер которого проявляется только на формальном уровне (церковнославянский префикс **из-**). Эта лексема не вносит нового признака для обозначения худобы в русском языке, поскольку ‘худой’ как ‘сухой, с недостаточным количеством жидкости в организме’ наблюдается и у прилагательного **сухой**, то есть в русском языке используется только церковнославянское обозначение для ранее известного признака. Прилагательного **субтильный** является латинизмом, пришедшим из французского или немецкого языков. Лексемы, обозначающие небольшой объем тела, пришедшие в литературный русский язык из других языков, представляют собой разновременные пласты заимствования: иноязычный характер сохраняется на современном этапе только у слова **субтильный**, более ранние заимствования уже утратили его.

Итак, концепт ‘худой’ представляет собой результат не только собственно русского осмысления, но и результат взаимодействия с другими культурами: влияние иранского мира (о возможности которого говорят

многочисленные славяно-иранские изоглоссы в области духовной культуры, в том числе и прилагательное **худой**), христианско-византийского (ц.-слав. **испитой** и, возможно, прилагательное **сухой** как семантическая калька с греческого языка со значением 'истощенный, худой') и западноевропейского (**субтильный**).

Главным методом семантического анализа в этимологии является ориентация на типы первичной мотивации (Ж.Ж. Варбот и др.), представленные в лексемах определенного семантического поля. Под первичной мотивацией понимается ближайший семантический предшественник – источник значения. В разделе 1.6. выделяются мотивировочные признаки, на основе которых формировался признак отсутствия подкожного жирового слоя, что позволяет определить семантические модели как схемы развития определенного значения на базе исходного. Способы переноса значений позволяют выявить различные пути осмысления концепта 'худой' носителями языкового сознания. Семантическую деривацию следует рассматривать как способы разнообразного осознания действительности, как средство отражения наивной картины мира, развития человеческого мышления.

Понятие 'худой' строится как обобщение мотивирующих признаков внешнего и внутреннего характера.

К признакам, структурирующим данное понятие с точки зрения внешнего проявления, следует отнести следующие:

- 'высокий, вытянувшийся, длинный, тонкий' (**тонкий, субтильный**);
- 'костлявый' (**костлявый, костливый**);
- 'мускулистый; лишенный избыточного жира' (**жилистый, поджаристый**);
- 'стройный, подтянутый (по породе худощавого, подтянутого животного)' (**поджарый**).

В качестве мотивировочных признаков, характеризующих внутреннее состояние человека, приводятся:

- 'слабый, больной' (**тщедушный**);
- 'сухой, не имеющий достаточного количества жидкости в организме' (**сухой, испитой**);
- 'пустой' (**тощий**).

Среди мотивирующих признаков, предшествующих в диахронии значению небольшого объема тела, обращает на себя внимание общеотрицательный 'плохой, дурной' (в слове **худой**), подтверждающий значимость признака худобы в формировании отрицательных оценок. Худоба тела человека могла характеризоваться как частное проявление общего отрицательного признака.

Таким образом, концепт худобы (на материале русского литературного языка) формировали признаки отрицательного характера, определяющие данное телосложение с точки зрения размера, слабости и болезненности, отсутствия внутренней наполненности, сухости как отсутствия жизненных соков, необходимого количества жидкости в организме и т.д.; а также признаки без негативной оценки: 'высокий, вытянувшийся, длинный, тонкий', 'мускулистый, без лишнего жира', 'стройный, подтянутый (по породе животного)'.
Наиболее ранними и устойчивыми моделями семантического развития являются следующие: и.-е. модель – 'высокий, вытянувшийся, длинный' > 'худой' (**тонкий**), что отражает синкретичное осмысление большой длины, худобы и слабости; о.-слав. и вост.-слав. - 'слабый' > 'худой', 'маленький' > 'худой', 'костлявый' > 'худой', 'плохой' > 'худой' с пейоративной коннотацией. Более поздние, возникшие уже в русском языке модели – 'пустой' > 'худой', 'стройный, подтянутый (по породе животного)' > 'худощавый (о человеке)'.
В разделе 1.7. концепт 'худой' рассматривается как фрагмент современной национальной концептосферы. В сознании носителей современного русского литературного языка худоба ассоциируется с рядом признаков, входящих в смежные семантические поля, что проявляется в корреляции значения 'худой' в семантической структуре исследуемых многозначных слов с рядом других значений. Данные признаки дают представление, как другие понятийные сферы втягиваются в зону концепта 'худой', показывают возможности взаимодействия разных семантических полей и концептов между собой. Обращение к смежным признакам дает возможность показать место анализируемого концепта в концептосфере русского языка (термин Д.С. Лихачева).
Концепт 'худой' на современном этапе (по данным русского литературного языка), с одной стороны, сохраняет свое признаковое поле и строится на основе изначально структурирующего его признака 'слабый', что находит отражение в семантической структуре ряда анализируемых слов: **испитой, тощий, тщедушный, щуплый**. С другой стороны, признак 'худой' оказывается смежным (в пределах семантики одной лексемы) с рядом других признаков: 'бедный, неимущий' (**худой**), 'ветхий, старый' (**худой**), 'сильный, крепкий' (**жилистый**), 'аккуратный' (**поджарый, сухощавый, тонкий, худощавый**), 'деликатный, обходительный' (**субтильный, тонкий**), что показывает взаимодействие концепта худобы с рядом других концептов как негативного, так и позитивного содержания. В современном русском литературном языке признак 'худой, имеющий тонкое, сухощавое тело' может характеризоваться как отрицательный (**испитой, тощий, тщедушный, щуплый**), так и положительный (**поджарый, сухощавый, тонкий, худощавый, жилистый**).

В отличие от диалектного материала здесь более последовательно репрезентирована положительная оценка худого человека. В сознании носителей современного литературного языка признак худобы уже утрачивает общеотрицательный характер оценки: ЛСВ 'плохой' лексемы **худой** еще фиксируется в словарях, но уже не является для современного человека актуальным, сохраняясь только во фразеологизмах (**на худой конец, худая слава, худо-бедно** и т.п.). На изменение семантической структуры слова **худой** повлияло и появление синонима **плохой**, используемого в современный период в качестве основного слова для передачи общей отрицательной оценки.

Итак, синонимические ряды со значением худобы в русском литературном языке начали складываться примерно с XVII-XVIII вв. (в период становления национального русского языка и сознания, в период формирования новых этических и эстетических норм). С формированием национального русского языка, начинается изменение концепта худобы: если в предыдущие периоды развития языка признак 'худой' преимущественно характеризовался как негативный, то к этому времени появляется большее число слов,

оценивающих умеренную худобу человека как соответствие норме. Конечная граница формирования рядов - середина XX в.

Подводя итоги первой главы, автор предлагает вариант определения границ синонимических рядов для обозначения худого телосложения с последовательной ориентацией на оценочность и, опираясь на историко-этимологические данные, обосновывает принадлежность не имеющих отрицательной коннотации слов **жилистый**, **тонкий** и **субтильный** ко второму ряду, обозначающему умеренную худобу как соответствие норме.

Во второй главе “*Лексика, репрезентирующая концепт ‘худой’ в русских народных говорах в синхронии и диахронии*” исследуется концепт ‘худой’, представленный диалектной адеквативной лексикой.

Обращение к диалектной КМ, важнейшим ее концептам в последнее время является актуальным как в синхронной (О.И. Блинова, Т.И. Вендина, Н.А. Лукьянова), так и в диахронической лингвистике (О.Н. Трубачев, Ж.Ж. Варбот, В.Н. Меркулова, Л.И. Шелепова, Б.Я. Шарифуллин, М.Э. Рут, Е.Л. Березович, А.Е. Аникин и мн. др.), поскольку лексика говоров представляет собой богатейший материал для исследования народной культуры, наивного языкового сознания. Актуальность обращения к языку диалектоносителей с целью исследования фрагмента языковой картины мира, определяющего худое телосложение человека, обусловлена важностью понимания того, какие ценностные ориентиры определяют жизнь носителей народного языка и культуры.

В отечественной лингвистике часто высказывалась необходимость в идеографическом описании лексического состава языка, группирующем слова по значениям, вскрывающем системные отношения в лексике, не только для литературного языка (Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин), но и для диалектного словарного состава, как для синхронных (Г.А. Раков), так и для диахронических системных отношений (С.В. Востриков). Односистемный идеографический анализ не дает возможности увидеть направление развития лексической системы и ее отдельных элементов, и поэтому для придания диахронической перспективы нужно совместить систему одного говора с другими (С.В. Востриков). Этот вопрос находит отражение в разделе 2.1. реферируемой диссертации.

Исследуемые лексические единицы со значением ‘худой’, с одной стороны, нельзя однозначно обозначить как синонимы в пределах диалектной системы, поскольку большинство из них имеет распространение в разных говорах русского языка. С другой стороны, исходя из определения синонимов как слов, отражающих какое-либо понятие, анализируемые прилагательные можно называть междиалектными синонимами (или же синонимическими соответствиями, параллелями) на уровне общенационального языка и общенациональной культуры в целом (О.И. Блинова, Ф.П. Сороколетов и др.). Для историко-этимологического исследования понятие междиалектной синонимии (а также межъязыковой) является особенно актуальным в связи с поисками моделей номинации (мотивационных моделей) и выяснения регулярных межсистемных семантических отношений (Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстая, И.Г. Берестнев и др.).

История, происхождение и современное состояние каждой единицы диалектной адеквативной лексики, обозначающей небольшой объем тела человека, рассматриваются в разделе 2.2. Материал говоров вызывает затруднение с точки зрения структурирования его как семантического поля, выделения ядерной зоны и периферии, поскольку разнодиалектные лексемы трудно охарактеризовать по степени близости к ядру, поэтому описываемые элементы подаются в алфавитном порядке.

В диалектной системе концепт ‘худой’ репрезентирован большим числом единиц (более 170), что значительно превышает объем анализируемых лексем в литературном языке. Наличие такого количества единиц с семантикой худобы, во-первых, можно пояснить тем, что говоры – это разносистемное явление, существующее на широком территориальном пространстве, поэтому на каждой территории могут быть актуализированы разные признаки для формирования концепта ‘худой’. Во-вторых, данный признак воспринимается как более расчлененный, дифференцированный в силу его важности с прагматической точки зрения для представителей крестьянской культуры, для которых человек с таким телосложением является плохим работником.

В разделе 2.3., опираясь на данные СРНГ, автор определяет ареал русской адеквативной лексики со значением ‘худой’. Наибольшее число из проанализированных лексем фиксируется в среднерусских и северных говорах, несколько меньше – в южнорусских и значительно меньше – в говорах вторичного расселения (см. приложение). Основными мотивирующими признаками для обозначения худобы, распространенными практически по всей территории России являются параметрические признаки (‘малый, небольшой’ и ‘длинный, высокий; большой’), а также ‘слабый’, ‘сухой; лишенный жизненный соков’.

С целью прояснить хронологическую глубину формирования концепта ‘худой’ на диалектном материале в разделе 2.4. исследуемые прилагательные рассматриваются во все периоды развития русского языка с момента их фиксации. Использование историко-этимологических данных позволило выявить время развития значения худобы для анализируемых диалектных прилагательных, временную глубину формирования концепта ‘худой’.

Из проанализированных в настоящей главе прилагательных индоевропейские корни для семантики худобы тела имеет только прилагательное **либивый** (ср. лит. *laibas* ‘тонкий, стройный’, *laibėti* ‘становиться тонким, стройным’, *liesas* ‘худой, тощий’, греч. *λεῖρός* ‘худой и бледный’), в котором нерасчлененно характеризовались признаки худобы и слабости.

Общеславянскую глубину возникновения значения ‘худой’ имеет слово **млявый** (**mьd(ь)l-*) и производные от существительного **кость** (**коший**, **костливый**). На данном хронологическом уровне был актуализирован как внешне проявляемый признак (‘костлявый, с выпирающими костями’), так и известный с и.-е. периода признак, обусловленный внутренним состоянием здоровья – ‘слабый, болезненный’.

Из исследуемых прилагательных со значением худобы в древнерусский период отмечались только слова **либивый** (другие варианты: **либавый**, **либѣвый**, **либевый**, **либовый**, **либывый**, **любивый**) (XIII–XIV вв.) и **кошенный** (**кошень**) (XIII в.), имеющие отрицательную коннотацию. Остальные прилагательные со значением ‘худой’ имеют более позднюю фиксацию в памятниках письменности.

В XIV–XVII вв. сохраняются древнерусские прилагательные, обозначающие худое телосложение, и фиксируются **кошавый** (XVII в.), **подсухий** (XVI в.), **недородный** (сер. XVII в.), которые отрицательно оценивали небольшой объем тела человека. В XVII в. как обозначение признака худобы отмечается пейоративное прилагательное **ледащий** (**лядащий**). С развитием человеческого мышления, социальных отношений одновременно наблюдается и конкретизация признака худобы, что проявляется в увеличении количества лексем, обозначающих худое телосложение.

Если в XIX - XX вв. в русском литературном языке в изучаемой группе прилагательных не происходит каких-либо значительных изменений, то в диалектах происходит значительное увеличение количества анализируемых единиц. Этапы бурного расцвета лексикографии обычно совпадают с периодами значительных сдвигов в культуре народа. Количественный скачок в составе названий группы в это время, вероятно, следует объяснять и усилением сбора материалов народной речи в этот период, и стремительным развитием русской диалектной лексикографии (В.И. Даль, Г.И. Куликовский, Н.М. Васнецов и др.), что связано с всплеском интереса к народной культуре и языку в XIX в. (филологическая деятельность славянофилов, активное собирание памятников русского фольклора и т.д.).

Большинство из анализируемых диалектных прилагательных являются исконными по происхождению. Заимствованные лексемы со значением ‘худой’ представляют лишь небольшую часть всего исследуемого диалектного материала и характеризуются в разделе 2.5.

Южнорусское слово **капшивый** (Курск., Ворон.), встречающееся также в диалектах украинского языка в значении ‘некрасивый, оборванный’, является тюркизмом (ср. татар. **капшобаи** ‘тонкий, узкий, худощавый’). Прилагательное **лежавый** (**ляжавый**) (Моск., Пск.) этимологи характеризуют как возможный полонизм (ср. польск. **legawi pies** – о породе собак). Слово **незрачный**, имеющее в севернорусских говорах (Арх., Костром.) значение небольшого объема тела, судя по неполногласию, является церковнославянским по происхождению. Не исключено, что церковнославянским является и прилагательное **постный**. Некоторые диалектные прилагательные со значением ‘худой’ образованы уже в русском языке от заимствованных слов. Так, например, русское диалектное прилагательное **сурусной** (Олон.) образовано от заимствованного из финно-угорских языков существительного **сурус** ‘крошка, крупинка’ (ср. фин. **suurus** ‘мучная болтушка для похлебки, крошево’).

В русских говорах на материале прилагательных со значением ‘худой’ наблюдается ряд сходжений с родственным белорусским языком, в основном представленный лексемами территории Псковщины (**ледащий, млявый, нищий, слохлаый, худорлявый, шуплый** и нек. др.). Возможно, это явление следует интерпретировать как совместное русско-белорусское осмысление на территории Великого княжества Литовского или как результат польского влияния на территории польско-литовского государства Речи Посполитой, так как большинство прилагательных с белорусско-псковским ареалом имеют соответствия со значением ‘худой’ в польском языке (**млявый, шуплый, худорлявый**).

Таким образом, иноязычное / инокультурное влияние на формирование исследуемого концепта наблюдается под влиянием церковнославянского языка, русского литературного языка, польского. Отмечаются и случаи локального взаимодействия русского языка с языками коренного населения.

Мотивировочные признаки, предшествующие значению худобы в семантической структуре диалектных прилагательных приводятся в разделе 2.6.

Основная часть анализируемых нами слов приобрело значение худобы тела в результате семантической деривации от других значений многозначного слова. Для ряда анализируемых слов значение ‘худой’ не является переносным. Как правило, это производные прилагательные, образованные от других прилагательных, уже входящих в семантическое поле худобы, например, от **сухой - подсухий, сухоребрый, сухящий, сухопостойный** и мн. др., от **тонкий - истонкой, тонцлявый, тончлявый** и др., от **моделый – замоделый**, от **худой – худусый, худищий, худущий** и мн. др.

Концепт худобы, репрезентированный в русских народных говорах, определяли мотивирующие признаки как внешнего (в основном параметрического), так и внутреннего характера. Как внешние следует представить следующие:

- ‘малый, небольшой, невысокий’ (**дробный, дрязгий, недогяглый (недяглый), недородный, нищий (?)**, **пigliaвый, плевый, сурусной, шадный**);
- ‘высокий, вытянувшийся, длинный; большой’ (**будылястый, галямый, голенастый, жаровый, жигулистый, истяжной, копыловатый, озойный, прогонистый**);
- ‘костлявый, с выступающими костями’ (**костливый, костоватый, кошавельный, кошавый, мослистый** и др. однокорневые);
- ‘поджатый, подтянутый’ (**подбористый, поджамший, подфилый**, возможно, **подчеревый** ‘с поджатым животом’);
- ‘бледный’ (**блеклый, сизый**);
- ‘кривой, изогнутый’ (возможно, через ступень ‘слабый’ - **вихлявый, подвихлый, диблый**);
- ‘ветхий, старый’ (**ветошный, лахудрый**);
- ‘жареный’ (**жареный, поджаристый**);
- ‘невзрачный’ (**незрачный, некошной (?)**);
- ‘подтянутый (о животном)’ (**лежавый, мухортый**);
- ‘не имеющий (полного, крупного) тела’ (**неимущий, нетелесный**);
- ‘с отсутствием жира, не жирный’ (**постный**, возможно, **кожулявый** ‘такой, у которого нет под кожей жирового слоя’).

Как характеризующие худобу через внутреннее состояние человека приводятся следующие мотивирующие признаки:

- ‘слабый, больной’ (**либивый, млявый, модельй, модяжный, замодельй, морной, непорнящий, пошибенный, невенный, недокуменный, чаврый, чавренный**);
- ‘пустой’ (**безживотный, безнутрый, бескишечный** как ‘пустой, без внутренностей’), ср. также диал. прилагательное **пустой** ‘худой’ (о животном), общерусское **тощй**;
- ‘сухой, не имеющий достаточного количества жидкости в организме’ (**закорузлый, сухой, испитущий**);
- ‘умерший, мертвый’ (возможно, через ступень ‘слабый’ - **(с)дохлый, колетый, палый, смёртный, истывотный**);
- ‘дошедший до истощения’ (возможно, также через ступень ‘слабый’ - **дошлый, изморливый, морной, истощный** (?)).

В качестве мотивирующего признака для ‘худой’ может выступать и общее отрицательное значение ‘плохой’ (в ряде диалектных слов - **плохой, ледащий**, и, возможно, **некошной**). Единичный случай использования мотивирующего признака ‘странный’ в слове **дикий**, вероятно, также следует интерпретировать как проявление общеотрицательной характеристики.

Со значением худобы в диалектной речи сочетаются и антонимичное значение ‘полный, толстый’ (**дикий, дробный, озойный**), а также редко встречающиеся ‘прожорливый’ (**прогонистый**), ‘крепкий, сильный’ (**дикий**), ‘огромный, рослый, здоровый’ (**азойный, озойный**). Наличие энантиосемии предполагает возможность разной интерпретации одного и того же исходного этимологического признака.

Данный концепт формировали признаки, представляющие худобу с точки зрения объема, размера, слабости, отсутствия внутренней наполненности, болезненности, неэстетичности внешнего вида (как следствие нездоровья, неблагоприятных условий и т.п.), сухости как отсутствия необходимых жизненных соков и т.д., то есть в основном признаки отрицательного характера. Наиболее ранними и устойчивыми моделями семантического развития являются и.-е. ‘слабый’ > ‘худой’, ‘высокий, вытянувшийся, длинный’ > ‘худой’, о.-слав. ‘маленький’ > ‘худой’, ‘костлявый’ > ‘худой’, сохранившие свою актуальность и на более поздних этапах развития языка. В современных говорах по-новому осмыслиется признак ‘поджатый, подтянутый’: в XX в. отмечается прилагательное с положительной коннотацией - **подбористый**. Негативное отношение диалектоносителей к худобе наиболее ярко проявляется в семантическом переносе от общеотрицательного значения ‘плохой’ к частноотрицательному ‘худой’, то есть худоба в данном случае представляется как частное проявление общего отрицательного признака.

В современном диалектном языковом сознании, которое рассматривается в разделе 2.7., худоба ассоциируется с рядом признаков, входящих в смежные семантические поля, соприкасаясь с другими концептами национальной культуры.

С одной стороны, в настоящее время концепт ‘худой’ (на материале говоров) опирается на формирующие его мотивирующие признаки, пересекаясь при этом, с важнейшим общеотрицательным концептом ‘плохой, дурной’ (наряду с **ледащий, плохой, некошной**, это же значение отмечается и в других словах: **дикий, невенный, непорнящий, пиглявый** и т.д.), концептом эстетической привлекательности / непривлекательности ‘некрасивый, невзрачный’ (**ледащий, недокуменный, сурусный** и др.) и ‘аккуратный, подтянутый’ (**подбористый**), концептом здоровья / нездоровья - ‘слабый’ (**замшлый, морной, нищий, плохой** и др.), с параметрическими концептами - ‘высокий’ (**будылястый, жигулистый, истяжной, подчигарый, прогонистый** и др.) и ‘малый’ (**морной, щадный, недосяглый, недородный, недокуменный** и др.), с цветовым - ‘бледный’ (**блёлкый, сизый**), а также с ‘пустой’ (**безживотный, дикий, щуплый**), ‘ветхий, старый’ (**дрязгий, ледащий, неимущий** и др.), ‘гнилой’ (**дохлый, модельй, мозгленький**), ‘бедный, неимущий’ (**неимущий, нищий**).

С другой стороны, через лексемы, структурирующие исследуемое поле, наблюдается пересечение со смежными полями и концептами. В сознании диалектоносителей концепт худобы оказывается смежным и взаимодействует с концептами, характеризующими поведение человека, - ‘ленивый’ (**легавый, ледащий, млявый, недокуменный**) и ‘глупый’ (**дикий, недокуменный, пошибенный**), с цветовым концептом - ‘серый’ (**дикий, сизый**), ‘гнедой’ (**мухортый**), ‘желтый’ (**мухортый**), ‘красно-коричневый’ (**дикий**) и ‘смуглый, загорелый’ (**жареный**), а также с ‘голодный’ (**изморный, постный**), ‘сырой’ (**модельй, мозгленький**), ‘грязный’ (**закорузлый, лахудрый**) и нек. др.

Признак небольшого объема тела человека ассоциируется в народном языковом сознании в основном с отрицательными признаками: большая часть значений, коррелирующих в семантической структуре анализируемых диалектных прилагательных с ‘худой’, является негативно оценивающими, что отражает архаичность и традиционность народного восприятия худобы в крестьянской культуре. Особенно здесь следует выделить обширную группу слов, имеющих наряду с ‘худой’ и общее отрицательное значение ‘плохой, дурной’, сочетающих характеристику телосложения и признак, принадлежащий аксиологической шкале оценок. Наиболее ярко негативная характеристика худого телосложения проявляется в словах, в семантике которых происходит сужение значения - перенос от общеоценочного к частнооценочному параметрическому значению ‘худой’, в таких, как **плохой, ледащий**, и, возможно, **некошной**. То есть в национальном мировидении настолько однозначно отрицательно оценивалось такое телосложение человека, что худоба характеризовалась как частное проявление общеотрицательного признака. Этот факт подчеркивает важность признака худобы в русской концептосфере, в системе культурных ценностей, в определении идеального телосложения человека.

Ряд изучаемых диалектных прилагательных имеют деминутивные соответствия, например, **нищенский, сухонький, мозглявенький, морненький** и нек. др. В данном случае негативная оценка несколько смягчается, но, тем не менее, эти слова оценивают явление худобы как не соответствующее эталону телосложения.

Итак, худоба тела оценивается носителями диалектов в основном как явление отрицательное, в первую

очередь, в прагматическом и - как следствие - в эстетическом плане. В настоящее время в говорах уже наблюдается и небольшая группа прилагательных, определяющих небольшой объем тела человека как соответствие эстетической норме телосложения, например, **подбористый, жаровой, жигулистый, поджигаристый**, некоторые производные от **тонкий** и нек. др., где признак худобы сопоставляется с 'аккуратный, подобранный', 'стройный' и т.п. Новое представление о худобе формируется большей частью в образованной среде русского населения, в говорах же под влиянием литературного языка можно наблюдать только начальный этап такого изменения концепта, когда признак 'худой' не обязательно определяется как отрицательный.

В **заключении** сопоставляется специфика отражения концепта 'худой' в двух разновидностях языка – в литературной и диалектной, подводятся итоги проведенного исследования и делаются основные выводы. Историко-этимологический анализ прилагательных, объединенных значением 'худой', позволил проследить, как человек характеризовал посредством языка свою внешность, телосложение на разных этапах историко-культурного развития, показать эволюцию этих представлений, изменение данного фрагмента ЯКМ, эволюцию концепта.

Истоки русского концепта 'худой', репрезентированного русской адекватной лексикой, восходят к и.-е. периоду (прилагательные **тонкий** и **либвий**), когда худое телосложение определялось, исходя из синкретично представленных признаков 'длинный, высокий, вытянутый и худой' и 'слабый и худой'.

Исторически русская культура складывалась в русле дохристианских воззрений славян, в системе ценностей которых имелось представление о важности и взаимообусловленности явлений физической силы, здоровья, большого объема тела и красоты. Худоба в данном мировоззрении однозначно оценивалась негативно. Принципиальные изменения взгляда на телосложение возникли под влиянием христианского мировоззрения и культуры, резко разграничивших материальный и духовный мир, когда человек стал рассматриваться в рамках оппозиции "душа и тело". Наличие худого и некрасивого тела, согласно данному мировоззрению, уже не предполагало существования некрасивой души, но, тем не менее, такое тело в эту эпоху не определялось однозначно как эстетически привлекательное явление.

Дальнейшее изменение оценки телосложения человека происходило в XVII–XVIII вв., в период становления русской нации, русского национального языка и культуры, в эпоху секуляризации общества под влиянием западноевропейских языков и культуры. В это время происходит разрушение средневековых этических и эстетических оценок, согласно которым человек, его внешность и внутренний мир могли оцениваться однозначно положительно либо отрицательно; и человек в характеристике языковой и литературной картины мира предстает уже как явление сложное и неоднозначное. Когнитивная установка на все большую дискретность – познания и именованная – окружающего мира проявилась в том, что, во-первых, первичные признаки, формирующие концепт 'худой', на новом этапе получают большой пласт новых лексических средств выражения, во-вторых, появляются новые признаки, все более конкретизирующие и дифференцирующие исходное представление о телосложении человека.

С целью более точно продемонстрировать специфику литературного и диалектного варианта концепта худобы сопоставляется развитие данной группы прилагательных в русском литературном языке и в диалектной системе. Оценки небольшого объема тела человека различны в двух субкультурах в зависимости от представления об идеальном телосложении, от эталона, принятого носителями той или субкультуры. В современном русском литературном языке в связи с изменением норм телосложения наблюдается движение к мелиоративной оценке (или, по крайней мере, к нейтральной характеристике) признака худобы. В литературном языке концепт 'худой' "расщепляется" на 'худой (избыточно)' и 'худой (в пределах нормы)'; в говорах же этот процесс проявляется лишь в небольшой степени. В процессе эволюции семантики группы прилагательных со значением 'худой' меняются и внутренние связи ее членов, что тоже говорит об изменении структуры исследуемого концепта. В современном литературном языке этот процесс отразился в существовании в семантическом поле 'худой' двух синонимических рядов с разной оценкой данного признака: умеренная степень худобы уже характеризуется как положительное явление, чего не было на предыдущих этапах развития русского языка. В диалектах концепт худобы репрезентирован в основном как отрицательный и имеющий более дифференцированный способ выражения, характеризующий признак 'худой' с разных сторон, что подтверждает большую значимость этого признака для представителей крестьянской культуры.

Эстетические критерии оценки телосложения человека (и его внешности в целом) изменяются в том плане, что постепенно утрачиваются основные параметры привлекательности человека – физической силы, большого роста, крупного телосложения, существовавшие на протяжении долгого времени.

В **приложении** приводится таблица, характеризующая ареал русских диалектных прилагательных со значением 'худой'.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Толстик С.А. История слова **непорящий** в русском языке // *Iuvenilia*. Тезисы докладов Региональной филологической конференции молодых ученых. Вып. 5. (24 марта 2000 г.). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000г. - С. 111-113.
2. Толстик С.А. История русских прилагательных со значением 'худой' с отрицательной приставкой **не-** // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции "Актуальные проблемы русистики". - Томск: Изд-во Том. ун-та, - 2001. - С. 177 - 178.
3. Толстик С.А. Прилагательное **недояглый (недяглый)** в русском языке (историко-этимологический аспект) // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб-к научн. статей и тезисов I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. - Томск: Изд-во ТПУ, 2001. - С. 149 - 151.
4. Толстик С.А. История русских прилагательных **худой** и **худощавый** // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы I междунар. научно-практической конференции "Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве". - Томск: Изд-во ТПУ, 2001. -125 - 127.
5. Толстик С.А. История слова **худой** в русском языке // Язык. Культура. Образование: Материалы научно-практической конференции. 28 - 29 сентября 2001. - Великий Новгород, 2001.- С. 118 - 121.
6. Толстик С.А. Прилагательное **некошной** в русском языке (историко-этимологический аспект) // Актуальные проблемы лингвистики. Материалы Региональной конференции молодых ученых (24 марта 2000 г.). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001 г. - С. 143 - 147.
7. Толстик С.А. Русское прилагательное **дробный**: к проблеме энантиосемии // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых (17 – 19 декабря 2001 г.): В 5 т. Т. 2. Лингвистика и филология. – Томск: Изд-во Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2001. - С. 305 – 309.
8. Толстик С.А. Представление о худом человеке в русских народных говорах // Материалы XI международной научной конференции "Студент и научно-технический прогресс": Языкознание / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. - С. 16 – 17.
9. Толстик С.А. Концепт 'худой' в современной русской языковой картине мира // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых "Картина мира: язык, философия, наука" (1 – 3 ноября 2001 года) / Под общей редакцией проф. З.И. Резановой. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 92 - 94.
10. Толстик С.А. История синонимического ряда с доминантой **худощавый** // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник научных статей и тезисов II Межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под. общей редакцией Н.А. Качалова. – Томск: Томский политехнический университет, 2002. – С. 243 – 245.
11. Толстик С.А. Русское прилагательное **дикий** в значении 'худощавый' // V Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Наука и образование" (23 – 26 апреля 2001 г.): Материалы конференции: В 5 т. Т. 2. Лингвистика и филология. - Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2003. - С. 300 – 304.
12. Толстик С.А. История формирования русской диалектной ЛСГ со значением 'худой' // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции 22 – 24 октября 2002 г. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - С. 150 – 152.
13. Толстик С.А. История формирования концепта 'худой' в русских народных говорах // Этимологические исследования: Сб. научн. трудов. Вып. 8. / Под. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 215 – 222.